

Хэштэг: #предпраздничныйритуал

Эльза Линдемманн

Эльза злится, когда её с отвратительно избирательной меткостью выхватывают из стройной толпы бездельников и отправляют готовить площадь к празднику. Злится вдвойне из-за того, что как раз Линдемманн отнюдь не бездельничает; хуже того – у неё и без этих ваших дежурств и общественных работ всё в руках горит, разваливается и ничего успеть не получается. Девушка честно готовит номер к празднику, средней степени показательности, но всё же. И ей бы ещё успеть прорепетировать до полудня, чем больше раз, тем лучше.

Но какие уж тут репетиции, когда Эльзу ловят и припрягают расставлять столы на главной площади. Тут если один раз успеть тестово прогнать номер перед выступлением, это уже будет победой.

Ну, зато если все в итоге сорвется – немка будет точно знать, кто виноват. Мастерский произвол, вот кто. Вот что.

На главную площадь Линдемманн заглядывает только одним глазком, убеждается, что там нет ни столов, которые надо расставлять, ни напарницы, и немедленно уходит к чайному домику. В чайном домике ситуация чуть лучше: столы есть, напарницы нет. Как Эльза ни торопится, но надрываться и таскать мебель в одиночку она не собирается. Поэтому девушка стоит, скрестив руки на груди, сердито притопывает ногой и ждёт. Ждёт копушу напарницу.

Анна-Лиза Саволайнен

У Анны-Лизы все с точностью до наоборот: необходимость помочь с организацией праздника её не злит, не раздражает и не выводит из себя. Это даже в чем-то весело и мило. Подумаешь, восемь столов перенести - не десять же и не неподъемных. Бывают задания и похуже.

Поэтому, когда Анна-Лиза подходит к чайному домику, ей искренне непонятно, почему Эльза встречает её с таким кислым лицом.

- Выше нос, альбатрос! - насмешливо советует Саволайнен, складывая сомнительной содержательности рифму из первых попавшихся ей на язык подходящих слов. Потом оглядывает расставленные в чайном домике столы, и ей кажется, что она понимает причину угрюмой печали Эльзы. Стройная немка, действительно, не выглядит как мерин-тяжеловоз, на котором можно таскать что угодно и куда угодно, вдоль и поперек по монастырю. Более крепкая Саволайнен жалеет подругу, попавшую в такую неудобную для нее ситуацию, и добродушно советует: - Учись, слабак, пока я живая!

Стол Анна-Лиза подхватывает, решительно переворачивает ножками вверх - и опускает столешницу себе на голову. На голове кости крепкие, терпеливые. и не такое выдержат. Придерживая стол одной рукой, Анна-Лиза, прямая как индийская женщина, выходит на улицу. И, перед тем, как начать движение в сторону главной площади, зовет: - Эй, не зевай! Тоже бери и пойдем!

Эльза Линдемманн

Когда Анна-Лиза неспешной походкой гордой павы вплывает в чайный домик, Эльза уже искренне хочет ее придушить, потом чем-нибудь прибить и в довершение расправы – расстрелять. И останавливает немку только та мысль, что после такой

расправы у нее не станет помощницы, дело затянется, на него придется потратить в несколько раз больше времени, и тогда шансы девушки попасть на генеральную репетицию вообще практически обнуляются. Эльза рассерженно шипит: – Быстрее, ну, – и вообще готова всячески подгонять Анну-Лизу.

Подгонять, но никак не разделять ее методы переноски столов.

– Чего – на башке тащить? Ты с ума сошла. Я не буду, – немедленно отказывается Линдемманн, которая уже так и слышит, как у нее под тяжестью стола шея с хрустом въедет в плечи до самого подбородка. На такие жертвы ради осеннего праздника Эльза идти не готова. Ей еще потом этой самой шеей вертеть перед всем монастырем, и для этого шея как минимум должна быть. А желательно, еще и в приличном виде.

Не связываясь со столами, Эльза подхватывает ворох клеенки, скатертей, а также парочку тяжелых медных подносов, чтобы сразу все это на площади разложить на столе, придавить и зафиксировать. И с этой ношей в руках поспешает за Анной-Лизой. Так-то, оно гораздо легче, чем со столом на голове бегать.

Анна-Лиза Саволайнен

У Анны-Лизы вот шея не хрустит и никуда не въезжает, у Анны-Лизы настолько все отлично, что блондинка даже может позволять себе шагать неспешно, оборачиваться на ходу и следить, как там дела у Эльзы. У Эльзы дела тоже по-своему отлично: вместо стола немка берется за скатерти. Саволайнен на ходу умудряется еще и равнодушно пожать плечами – ладно, пусть будут скатерти, это тоже не очень плохо. Значит, с ними не придется возиться Анне-Лизе. Полное разделение труда: одна девушка перенесет столы на главную площадь, другая их как следует украсит. Идеально же получается.

Голова у Анны-Лизы хорошая, крепкая, и шея тоже не хрупкая, поэтому восемь ходок со столом на голове Саволайнен выдерживает, не ощущая особо, что у нее что-нибудь там страшно затекает или отваливается. Столы девушка выстраивает в аккуратную ровную линию вдоль кромки главной площади. Потом, пока Эльза возится со скатертями, разукрашивая столы в красный и желтый – хорошие осенние цвета, но на взгляд Анны-Лизы, туда бы еще мелкими крапинками добавить зеленого, чтобы совсем по-осеннему было, – Саволайнен успевает все тем же не особо торопливым шагом сходить и принести два мусорных ведра. Ведра Анна-Лиза старательно паркует возле столов так, чтобы они не слишком вылезали вперед и орали о своем присутствии. После этого Саволайнен упирает руки в бедра, хозяйским взглядом окидывает линию разукрашенных столов и выносит положительный вердикт: – Ладно. Здесь мы справились неплохо, столы и скатерти можно больше не тягать. Что у нас там дальше по протоколу?

Эльза Линдемманн

Запоздало Эльза думает, что, может быть, все-таки стоило не выпендриваться и тоже носить столы. Со скатертями проблемно. Они щекочут лицо и лезут в глаза, когда немка с ними наперевес, отставая от Анны-Лизы, раз за разом бежит от чайного домика к главной площади. На самой главной площади ветер тоже мешает взять и запросто красиво разложить клеенки и скатерти – но тут выручает, наверное, то, что у Эльзы, как у блогера-самоучки, скилл драпировки мебели в красивые декорации прокачан сильно и качественно. Линдемманн как следует раскладывает красные и желтые лоскуты по столам, ухитряясь наложить их друг на друга так, что это становится отчасти похоже на красно-желтый хаос листопада, особенно когда

края скатертей начинают трепетать на ветру. Всю эту роскошь Эльза качественно придавливает посудой, увесистыми мисками и подносами, чтобы сложносочиненная композиция так дальше и жила, а не разлетелась на ветру в первые же пять минут. И когда Анна-Лиза с видом триумфатора говорит, что здесь они справились – Эльза даже готова с этим согласиться. Действительно, обе со своей частью закончили, и по сумме это даже вышло неплохо.

– По плану, – машинально поправляет Эльза оговорившуюся Анну-Лизу. – По плану дальше надо пойти в столовую и перенести оттуда посуду и угощения. Пойдем. Будем теперь там делить обязанности.

Анна-Лиза Саволайнен

- Не учи меня, как правильно ошибаться! - немедленно отрезает Анна-Лиза. Свои ошибки она считает своим изящным шармом и готова защищать с пеной у рта свое право оставаться немного неучем и немного неграмотной. - Не поправляй меня! Терпеть не желаю!

Поставив эту точку и посчитав, что отныне она все разъяснила Эльзе на веки вечные, Анна-Лиза немедленно успокаивается. И уже вполне миролюбиво говорит: - Хорошо. Столовая так столовая. Пойдем посмотрим, какой титанский труд там для нас приготовили.

Неподъемным титаническим трудом в столовой, кстати, как раз и не пахнет. Скорее, там изрядно количество мелкой работы, которая требует много мелкой работы. Саволайнен внимательно осматривает заготовленную посуду, заготовленные груды лунных пряников, потом поворачивается к Эльзе и, тыча пальцем в корзины, с вызовом спрашивает: - Ну что? Хоть здесь ты мне свою голову пожертвуешь в помощь? Или ты снова - не будешь?

Анне-Лизе кажется, что уж здесь-то Эльза вполне может и помочь в переноске корзин. Корзины явно меньше чем столы, явно не такие тяжелые и их явно будет легче и удобнее нести. Саволайнен и самой не сложно бы все это перенести на главную площадь, просто девушке немного обидно, что всю работу головой переваливают на нее.

Эльза Линдемманн

– Молчу, – немедленно соглашается Эльза. Драться ей, что ли, из-за того, что Анна-Лиза не совсем верно выражается. Вот еще. Да пусть говорит как хочет, пусть даже совсем с путунхуа не связывается, а чешет на одном только своем тарабарском. Это ее исключительное право, никто ей не может эту акцию протеста запретить.

На поджидające девушек корзины с лунными пряниками Эльза смотрит уже куда более снисходительно, чем до этого – на столы, которые Анна-Лиза предложила ей взвалить на голову. С корзинами уже можно рискнуть, это не должно ощущаться и выглядеть так дико и нелепо. Хотя Анна-Лиза и со столом на голове выглядела почти по-королевски. Возню с более мелкой посудой Эльза решает отложить на самый конец, потому что это дело уже более мелкой техники. И с не меньшим вызовом отвечает: – Почему нет? Пожертвую, очень даже. Смотри, вот моя голова – а вот на ней сейчас будет корзина. Смертельный номер, нервных просят не смотреть!

В полной мере ощущая себя Орнеллой Мути, пытающейся работать на Адриано Челентано, Эльза сперва подхватывает корзину с угощениями на плечо, а потом осторожно перекладывает себе на макушку. Это не так тяжело и страшно, как кажется издали, это для Линдемманн вполне выполнимый трюк. Главное,

забывшись, не повторить фокус все той же Орнеллы Мути. Вписаться бы с этой корзиной в дверной проем, а больше ничего для счастья и не надо.

Анна-Лиза Саволайн

Анна-Лиза близка к тому, чтобы начать тыкать в гордую немка пальцем и начать на разные лады повторять "да ты просто не можешь так, как я!" - и здесь уже дело не в какой-то там обиде, несправедливости или что там ещё может быть, а просто Анне-Лизе любопытно. Любопытно, как выглядит со стороны фигура с корзиной на голове - раз уж со столом посмотреть не получилось, так уж хоть здесь посмотреть.

Прибегать к таким крайним мерам, правда, не приходится. Эльза достаточно быстро сдаётся сама и ставит корзину с лунными пряниками себе на макушку, а Анна-Лиза получает возможность в красках рассмотреть со стороны, как это всё выглядит.

Выглядит, кстати, очень даже ничего себе. Вполне живенько. И даже, наверное, и ещё живее и красочнее может быть.

- Спину держи! - подсказывает Анна-Лиза, немедленно входя в роль критика и скульптора. Тоже водружает корзину себе на голову, на выходе из столовой, подражая Эльзе, слегка подседает, чтобы не срезать о дверной проём поднимающуюся над краями корзины горку пряников, и сулит: - Говорят, от такого упражнения фигура хорошеет. Фигуры у нас с тобой будут - первый сорт! Только ты спину прямо держи. И шагай бодрее. Ай, копуша! - не выдерживает Анна-Лиза. И ловко обгоняет Эльзу по большой дуге. Ну как можно таким черепашьям шагом ходить, а. Совершенно же невозможно.

Эльза Линдемманн

Эльза пытается кивнуть, но шатко балансирующая на макушке корзина не дает совершить столь решительный жест, поэтому девушка ограничивается тем, что согласно моргает. Да, она – копуша. И не способна носиться как метеор, когда переносит тяжелые вещи. Линдемманн даже наоборот, показательно замедляет шаг, чтобы Анне-Лизе было проще ее обогнать. Эльза не страдает ни от того, что она так неспешно ходит, ни от того, что и корзины она из-за этого успеет перенести явно меньше.

Так оно в конечном счете и выходит. Анна-Лиза справляется с тяжестью куда бодрее и быстрее, тогда как Эльза успевает перенести только две корзины, а потом и вовсе переходит на куда более мелкую посуду, относя ее к столу охапками и стопками и там расставляя. Похоже, такое разделение труда у них начинает входить в привычку: одна работает по более крупным задачам, другая – по более мелким.

– Там еще чай нужно заварить, - говорит Эльза, когда ей кажется, что корзины для Анны-Лизы как раз закончились и настал момент нагрузить подругу новым заданием. – Подставки там такие со свечками, надо их взять, на них поставить чайники и чай заварить. Сделаешь? Я пока тут с посудой закончу, а ты это сделаешь, – заявляет Эльза, быстро переходя от вопросительного тона к утвердительному. Мало ли, вдруг Анна-Лиза выберет не делать, а сказать, что она уже и так отпахала немало, поэтому теперь уходит на заслуженный отдых, а немка тут пусть сама возится.

Анна-Лиза Саволайн

Несмотря на то, что Эльза копается хуже ржавого робота, Анна-Лиза ничуть не жалеет о том, что предложила подруге тоже потаскать корзины - она по меньшей

мере оценила это со стороны. Хотя какой-то смысл в этом был. Саволайнен легко примиряется с тем, что ждать невероятной по силе помощи от немки, очень быстро отказывающейся от тяжелых корзин, ей не стоит. Зато Эльза добровольно возится с сервировкой стола - уж что-то, а это Анна-Лиза готова ей уступить даже с удовольствием, отдать обеими руками.

- Чего? - переспрашивает Саволайнен, не вполне расслышавшая долгий спич Эльзы. Переставляет на стол последнюю из заготовленных в столовой корзин и озадаченно хмурится, пока не соображает: - А, чайники! Я видела там такие, да. Сейчас сделаю.

Несмотря на то, что чайники Анна-Лиза, как она уверенно говорит, "видела", самым сложным в конечном итоге все равно оказывается найти посуду - чайники и, в частности, подставки, которые от взгляда блондинки почему-то ускользают так упорно, что хоть вообще не живи с ними рядом. Анна-Лиза выносит подставки на главную площадь, расставляет их на столе, зажигает свечи показательно-небрежными прикосновениями пальцев, а потом приносит чайники, раскладывает их по подставкам и заваривает чай.

За то время, что Саволайнен копается с чаем, Эльза уже вполне должна успеть закончить тоже копаться со своей задачей. Анна-Лиза смотрит на пустое запястье, где могли бы в теории быть часы, и победно спрашивает: - Ну что, мы закончили? Уложились? Сколько там у нас времени до полудня?

Эльза Линдемманн

Эльза и без напоминаний знает, что время поджигает девушек со всех сторон, что нужно успеть до полудня и что надо поторапливаться. А самой Линдемманн, так поторапливаться вдвойне, потому что ей еще надо каким-то волшебным образом между дежурством и началом праздника успеть втиснуться на репетицию. Можно, конечно, и без финального прогона выступить, просто выскочить с шашкой наголо и гнать свой текст, но это будет совсем не то. Так адекватные люди дела не делают. Эльза себя почитает человеком адекватным, поэтому старается поспешить, хотя это и сложно. Сервировка стола требует много мелких и точных движений: сюда – тарелки, сюда – палочки, здесь – поставить чашки, и лучше разложить все это ровно с первого раза, потому что потом придется поправлять, а это все равно что раскладывать по второму кругу.

– Если бы мы не уложились, мы бы с тобой сейчас видели толпу недовольных мастеров. Готовых нас карать за то, что мы долго возимся, – сердито говорит Эльза. Бросает на скатерть последнюю пару палочек, показательно делает шаг назад от стола, подчеркивая, что у нее тоже все готово, и выхватывает из кармана смартфон. Огромные круглые цифры на экране заставки показывают, что управились девушки как раз вовремя. Время до полудня еще есть, но не так чтобы очень много. Эльза прикидывает, что если она максимально поспешит, то даже успеет втиснуться на репетицию, чтобы прогнать с девчонками хоть что-нибудь, хоть какой-нибудь кусок, чтобы втянуться в сценку. И срывается с места, на прощание коротко махнув рукой: – Мы молодцы! Я побежала!
